

© 2012 г. *Самыгина Л.В.*

УДК 81

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ИРОНИИ: МЕТАТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Проблема взаимодействия метатекстов с прототекстами, феномен прецедентности осознаны современной гуманитарной парадигме как весьма перспективное направление для создания новых концепций в рамках теории языка, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а также для литературоведения, философии и эстетики. Филология обращается к изучению метатекста и интертекстуальности в нескольких ракурсах, сообразно существованию двух основных филологических наук: в литературоведении интерес исследователей локализуется в сфере рассмотрения литературных влияний, заимствований, пародирования; лингвистика обращена к изучению структурно-семантической организации художественного текста с включением в нее реминисценций, цитат, аллюзий, перифраз и ссылок.

Основанием для понимания метатекстов как одного из базовых компонентов современной культуры являются постулаты теории интертекстуальности, фиксирующие понимание принципиальной открытости текста. Обращаясь к анализу структуры языковой личности автора и структурно-семантической организации художественного текста, современная лингвистика апеллирует, тем самым, к одному из основополагающих понятий современной гуманитарной парадигмы – интертекстуальности. Термин был введен в 1967 г. при опоре на бахтинскую теорию диалогичности и «чужого слова» и в полемике с ней теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой для фиксации общего свойства текстов, что репрезентировано наличием между ними связей; именно благодаря этим связям тексты / части текстов могут «отсылать» друг к другу при опоре на разноуровневые способы.: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Литературное слово – это место пересечения текстовых плоскостей, диалог различных видов письма» [1, с. 428-429]. Как

способ построения межтекстовых связей и средство передачи авторского мироощущения интертекстуальность имеет ряд особенностей: 1) определяя характер самосознания культуры, является одним из способов отражения национальной и/ или индивидуальной языковой картины мира; 2) выявляет специфику идиостиля писателя; 3) выполняет метатекстовую функцию в случае, когда читатель обращается к прецедентному тексту для осуществления интеллектуального анализа художественного произведения, 4) предполагает наличие автометаописательного компонента.

Канонические дефиниции терминам «интертекст» и «интертекстуальность» дал Ролан Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных ходов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык...Интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» [2, с. 186].

Модель процесса интертекстуальности можно представить следующим образом: воспринятый текст (целиком или полностью) фиксируется в сознании адресата, включаясь затем в продуцируемые тексты как трансформация или прямые цитаты, и представляет собой предмет рефлексии. Тексты, «консервированные» сознанием, формируют текстовую концептосферу определенной культурно-языковой группы и определяются в современной лингвистике как «прецедентные тексты» (в терминологии Ю.Н. Караулова) - тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216]. Основные параметры прецедентных текстов - хрестоматийность, общеизвестность и реинтерпретируемость – предполагают их многообразное воплощение в ра-

личных видах искусства (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), что детерминирует их квалифицирование как факта культуры в широком смысле слова. Ю.Н. Караулов предлагает типологию способов существования прецедентных текстов: первичный, вторичный и трансформированный через другой вид искусства, семиотический (т.е. способ, состоящий в том, что обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком). При этом к собственно прецедентным текстам он относит семиотический тип.

Интертекст обладает следующими основными функциями: 1) экспрессивная функция репрезентирована в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках); 2) апеллятивная функция проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам могут быть ориентированны на совершенно конкретного адресата, который может «опознать» такой интертекст; 3) поэтическая функция зачастую манифестирована как развлекательная, когда узнавание интертекстуальных ссылок представляет собой увлекательную игру, предложенную автором; 4) референтивная функция передачи информации о внешнем мире, сходная с механизмом воздействия метафоры и аналогии; 5) метатекстовая функция реализуется в том, что рецепция любого текста с интертекстуальной ссылкой всегда альтернативно. Читатель может продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо – для более глубокого понимания данного текста – обратиться к прецедентному тексту, «прибегая к своего рода интеллектуальному анализу, в котором интертекстуальная отсылка выступает как смещенный элемент» [4, с. 120]. При выборе второго пути, для понимания обнаруженной ссылки необходимо установить актуальную связь с текстом-источником, который выступает тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции. Правомерно утверждение Ю.И. Левина: «Метатексты мотивируют многообразие форм повествования (как отражений форм самой жизни), оправдывая уравнивание в правах непосредственной реальности и воспоминания, действительно бывшего и воображенного, исторически и непосредственно переживаемого времени» [5, с. 298].

Бесспорно, дискурсивный подход к изучению структурно-семантической организации художественного произведения создает определенные условия для осмысления продуцирования и рецепции текста. Порождающий характер коммуникативной модели высказывания отражает в целом его дискурсивную структуру, сам принцип порождения получил в лингвистике наименование стратегии (в терминологии В.И. Тюпы). Коммуникативная стратегия определяется как «модальное позиционирование субъекта, объекта и адресата высказывания в рамках конфигурации трех дискурсообразующих компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной)» [6, с. 73]. Дискурсивный анализ позволяет параметризовать отдельные компетенции в их соотношении с коммуникативными возможностями участников коммуникации, в том числе художественной. Художественная словесность характеризуется тем, что творческий акт в ней всегда интенционально направлен и к предмету, и к адресату. Очевидно, что значимость этих двух интенций различна: в случае направленности к адресату интенция к предмету факультативна, и на передний план выступает коммуникативная сторона; если дискурсивная деятельность имеет эпистемологический характер, то доминантная интенция направляется к предметной стороне высказывания. В целом данная методика применима и к анализу иронии в художественном тексте, т.к. создает возможность выявления регистров иронического мировосприятия и иронической авторской точки зрения в их коррелятивных взаимосвязях в художественном тексте. Кроме того, дискурсивный анализ позволяет оценить степень интерпретируемости иронии в соответствии с компетенциями адресата.

Русский язык обладает определенными семантическими признаками, которые релевантны для функционирования художественного текста, а также репрезентации специфики литературной личности (в терминологии Ю. Тынянова) в семантическом пространстве такого текста. Семантические признаки русского языка были выделены и кратко описаны А. Вежбицкой в статье «Русский язык» (1992) [7]:

1. эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков;

2. «иррациональность» (или «нерациональность») – в противоположность так называемому научному мнению; подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;
3. неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности, недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий;
4. любовь к морализаторству – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям.

Манифестованный в национальной литературе, русский менталитет в целом адресуется к серьезности. Именно поэтому отечественная сатира – скорее инвектива в чистом виде, чем «одна из форм комического». Русская модификация цинизма, казалось бы, неизбежно предполагающего в своем семантическом пространстве иронию, зачастую «серьезна» и даже мрачна, лишена того интеллектуального обаяния и изящества, которые может придавать ему ирония. С уверенностью можно утверждать, что в России практически отсутствует развитая национальная культура иронии (подобной, например, английской, французской, немецкой и даже американской традициям). Однако эпоха постмодерна задает совершенно иные координаты для реализации художественных принципов: как важный способ когниции и коммуникации, ирония играет немаловажную роль в современном культурном процессе. Именно поэтому изучение ее сторон, аспектов и способов реализации представляет собой одну из плодотворных сфер современной гуманитарной парадигмы. В свете основного принципа постмодерна – интертекстуальности – ирония приобретает особую важность и актуальность. Общеизвестно, что термином «интертекстуальность» часто обозначается общая совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеюще игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам [8]. Ирония, несомненно, имеет оценочную природу и, следова-

тельно, способна наиболее полно и многообразно реализовать собственный когнитивный потенциал, соотносясь с процессом интертекстуальности, фиксируемым в культуре XX-XXI вв. Очевидно одно: восприятие и интерпретация иронии в художественном тексте, прежде всего, хронологически относимого к XX-XXI вв., возможны лишь при знании реципиентом прецедентных текстов, на которые ссылается продуцент художественного дискурса, что предопределяет реализацию когнитивного потенциала иронии на основе манифестирования метатекстовой природы интертекстуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000.
2. *Ильин И.П.* Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. М., 1989.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. *Ронен О.* Лексические и ритмико-синтаксические повторения и неконтролируемый подтекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. № 5.
5. *Левин Ю.И.* Биспациальность как инвариант поэтического мира Вл. Набокова // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
6. *Тюна В.И.* Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004.
7. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
8. *Хализев, В.Е.* Теория литературы. М., 2007.

LITERATURE

1. *Kristeva J.* Bakhtin, the word, the dialogue, the novel (1967) / / French semiotics. From structuralism to poststrukturalizmu. M., 2000.
2. *Ilyin I.P.* The style of intertextuality: Theoretical Aspects / / Problems of modern styles. Moscow, 1989.

3. *Karaulov J.N.* Russian language and linguistic identity. Moscow, 1987.
4. *Ronen A.* Lexical and syntactic rhythmic repetition and uncontrolled subtext // *Izvestiya. A series of literature and language.* 1998. Number 5.
5. *Levin Y.* Bispatialnost as an invariant of the poetic world VI. Nabokov // *Y. Levin Selected works. Poetics. Semiotics.* M., 1998.
6. *Tyupa V.I.* A comparative rhetoric / / *Criticism Semiotics.* No. 7. Novosibirsk, 2004.
7. *Vezhbitskaya A.* Language. Culture. Knowledge. Moscow, 1997.
8. *Khalizev V.E.* Theory of Literature. M., 2007.

Южный

федеральный университет

23 ноября 2012 г.
